

Илья Щербаков

КОТ

6+

Илья Щербаков

Кот

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Щербаков И. В.

Кот / И. В. Щербаков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Рассказ о темном божестве Ёрмухвате, живущем в теле обычного черного кота и пытающемся с помощью своих коварных соратников первым завершить Большой Круг Перевоплощений, чтобы занять место Владыки в царстве богов.

Содержание

1	5
2	10
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

1

Капля воды, упавшая с неба, превратилась в маленькое тёмное пятнышко на поверхности тротуара. Таких пятнышек с каждой секундой становилось все больше, а спустя пару минут лёгкий осенний дождь преобразил все кругом. Вечерний воздух наполнился свежестью, цвета стали контрастнее, пыльные поверхности обрели блеск.

Единственным, что омрачало эту живописную осеннюю картину, был ветер, сильный, порывистый, пронизывающий ветер. Но он не только завывал среди стен и заборов, а обладал особой, почти волшебной силой ненадолго вселять жизнь в неодушевленные вещи. Вот пустая ржавая консервная банка, до этого неподвижная, начинала кататься по мостовой, словно дикий зверек. Или смятая пачка забытых на автобусной остановке газет, вдруг открывала в себе способность летать подобно птице, легко взмывала вверх, размахивая страницами, будто крыльями, выскакивали из-под навеса и устремлялась на поиски счастья. Правда, гравитация и небесная вода быстро наводили свои порядки, и порхающий мусор вновь находил себе место в глухих подворотнях.

Вот и сейчас ворох желтых листьев, потяжелевших под дождем, совершил прощальный пируэт, впорхнул в переулочек возле небольшого ресторанчика и замер у старых деревянных ящичков, в которых раньше хранились фрукты и овощи.

Зеленые глаза, выглядывавшие из-под этих ящичков, отражали свет раскачивающихся на ветру фонарей и, казалось, вмещали в себя два маленьких мирка. Еще в этом кошачьем взгляде была тоска по чему-нибудь съестному. А потенциальная еда могла находиться совсем рядом, в тех самых мусорных баках, громоздившихся у стены переулочка.

Однако поиском пропитания был занят не только маленький черный кот, но и стая безпризорных и притом дурно воспитанных собак. Как раз сейчас они в количестве шести особей предавались разграблению баков с отходами, беспрестанно толкаясь, повизгивая и кусая друга друга.

Предводителем собачьей стаи был крупный пес какой-то неизвестной, но весьма экзотической породы – этакая помесь добермана с болотной кочкой. Остальные представители этой волосатой компании не отличались ни статностью, ни грацией, ибо все, как один, походило на низенькие криволапые скамейки с куцыми хвостами, облезлыми ушами и взглядом, лишенным малейшего проблеска интеллекта.

Посягать на добычу стаи кот не планировал, несмотря на сильный голод. Тем более, что уличное правило гласило: еда в баке – общая, пока кто-то ее не нашел первым. Хотя, была еще одна аксиома: нашедший еду первым может сам стать едой для более сильного второго. А кот особой силой не отличался. Зато был ловок и не по возрасту рассудителен.

Прикинувшись частью урбанистического пейзажа, он выполз из-под ящичка, прошмыгнул вдоль стены и выскочил из переулочка.

В конце концов, в городке были и более выдающиеся места, нежели этот тупик с собаками.

Например, через три дома дальше по улице располагался зоомагазин, чья витрина была настоящей частицей кошачьего рая, правда, для котиков недостижимая.

Здание магазина расположилось на углу крупного перекрестка, имело два этажа и широкий, вымощенный бетонными плитками тротуар перед входом. На этих плитках бродячие коты рassiживались, будто на местах в зрительном зале, и предавались мечтательному созерцанию огромной витрины, занимавшей весь фасад здания.

За стеклом в несколько ярусов стояли аквариумы, и чего там только не плавало! И синие рыбы, и красные, и полосатые, и крапчатые, и круглые, и длинные, и большие и маленькие. И все, как одна, чертовски аппетитные.

Проделав недолгий путь от ресторана до зоомагазина, кот решил на минутку другую предаться своему ежедневному ритуалу, а именно поглазеть на плавающие деликатесы и, как говорится, попускать слюну. Усевшись на ближайшей к витрине плитке, кот мельком окинул взглядом разместившегося неподалеку дымчато-серого облезлого собрата. Тот, заметив взгляд, сглотнул, вздохнул и засеменял прочь. Рыбная медитация лучше удаётся в уединении. Это все коты знали. А большую компанию люди и разогнать могут.

Однако данная созерцательная практика не уменьшила пустоту в желудке, а наоборот, только раздражила аппетит, поэтому кот, витая в светлых рыбных мечтах, отправился в сторону более приземленной мясной лавки.

Мясо на витрину там никто не вывешивал, поскольку людям обычно не свойственно любоваться сырым мясом, в то время как любоваться собой и другими у них стоит на одном из первых мест. Эти двуногие вообще довольно странные и по большей части самовлюбленные. Тратить все свое время на себя и окружающих, в то время как в этом мире полно вещей и явлений, по истине достойных внимания, по мнению Кота было глупостью и ограниченностью сознания.

Тем не менее, у заднего входа в лавку обычно выставляли ведро с мясными отходами, так что была вероятность разжиться съестным.

Однако и здесь его ждало разочарование. Ведро предательски блестело оцинкованным дном, в котором, как в зеркале отражалась понурая физиономия голодного мохнатого путешественника.

Прислушиваясь к недовольному урчанию в животе, Кот отправился дальше, выбрав направление наугад, и в конце концов, забрёл в тёмную глухую подворотню. Окинув непонимающим взглядом крошащиеся кирпичи ветхих стен вокруг себя, он ненадолго присел на растрескавшийся асфальт, чтобы собраться с мыслями и придумать план скорейшего насыщения.

Дождь прекратился, что очень радовало, однако ветер не думал сдаваться и, как прежде, пытался всюду навести свои порядки. Вернее сказать – беспорядки...

Размышления Кота прервал странный звук. Он появился неожиданно, все нарастал и походил на тяжкий протяжный вздох. Звук сопровождал ещё один эффект, на этот раз оптический. В паре метров от Кота в воздухе возникла яркая светящаяся точка, рассыпающая вокруг себя разноцветные искры. Через несколько секунд точка начала расти, растягиваться, пока не превратилась в сияющий круг с дымчатыми краями. В круге клубился золотистый туман, источавший тёплый мягкий свет.

Наверное, от голода, подумалось Коту, которому ранее не приходилось страдать галлюцинациями либо помутнениями рассудка.

Тут в красивом туманном облаке показались две размытые фигуры, и природное чутьё заставило четвероногого скитальца очутиться под мусорным баком, причём тело отреагировало мгновенно, не спрашивая разрешения мозга. Но удивление перебороло страх, когда Коту удалось разглядеть пришельцев повнимательнее.

Сияющий круг стянулся обратно в искрящуюся точку, оставив на мокром асфальте огромный куриный окорок и здоровенную, отливающую серебром рыбину. Самым удивительным было то, что оба гастрономический пришельца были живыми, причём окорок прекрасно обходится без своей курицы, а рыба не чувствовала себя ущемленной при отсутствии воды. При этом окорок, будучи перевернутый костью вверх, обладал парой больших глаз, разместившихся на той самой кости. Оглядев переулочек, эта составляющая куриного туловища оценивающе взглянула на рыбу (судя по внешним признакам – селедку) и принялась беззастенчиво над ней потешаться:

– Ну и вид у тебя, морепродукт ты наш.

Кот так и не смог толком понять, каким органом окорок производил такой зычный раскатистым голос.

– Видел бы ты себя, – проскрежетала в ответ рыба трескучим высоким голосом, ткнув боковым плавником приятеля в пухлый пупырчатый бок.

В переулке вновь загредел их дружный смех, похожий на звуки расстроенных контрабаса и скрипки.

Решив, что потенциальная еда может ускользнуть от него, Кот выбрался из-под бака и приготовился вцепиться рыбине прямоком в брюхо. Эти хищные поползновения вызвали умиление у перемещающихся продуктов питания.

– Кажется, он нас не узнал, – сделал умозаключение окорок.

– Конечно, ведь сейчас он кот, – отозвалась рыба с кривой ухмылкой, – Да и сказать толком ничего, наверное, не сможет. Сейчас исправим.

Пока Кот вертел тонким черным хвостом, готовясь к победному прыжку, рыбий плавник начертал в воздухе странный искрящийся символ. Похожий на ворох разноцветных бенгальских свечей, знак пару секунд висел над асфальтом, потом мигнул несколько раз и лопнул, словно мыльный пузырь.

Четвероногий охотник почувствовал порыв теплого воздуха, нахлынувший откуда-то сверху. Вслед за воздушным потоком послышался нарастающий гул, постепенно переходящий в нестерпимый звон. Немыслимая тяжесть обрушилась на голову Кота, заставив зажмуриться и припасть к земле.

В образовавшейся звенящей темноте перед глазами поплыли странные видения, проявляющиеся обрывками, словно изрезанная и склеенная в случайном порядке киноплёнка. Сквозь звон в ушах при этом пробивались искаженные, не связанные между собой звуки.

Кадры сменялись мгновенно, но иногда в мозгу отпечатывались довольно четкие картины. Красное солнце над желтыми травами саванны, бескрайнее заснеженное поле, разноцветные стволы эвкалиптов, коралловый риф, населенный радужными рыбами, темные морские глубины, корни мангровых лесов, хвосты земляных червей, торчащие из стенок сырой норы, и многие многие другие. Целая вселенная промелькнула перед глазами за считанные секунды.

Видения прекратились, а вслед за ними сердце начало тяжелесть от какого-то непонятного гнетущего ощущения. В мозгу неожиданно зашевелилось чувство ненависти ко всему живому, соседствующее с осознанием своего колоссального превосходства.

Слабость прошла, Кот выпрямил лапы и встал с асфальта. Передернув хилыми лопатками в привычной попытке встряхнуть крыльями, он вдруг понял, что его тело как-то странно реагирует на команды. С недоумением осмотрев костлявые мохнатые передние лапы, Кот поднял глаза и воззрился на двух странных пришельцев.

– Кажется, сработало, – задумчиво пробормотала рыба, бросив недоверчивый взгляд на спутника.

– Пожалуй, – проговорил окорок в ответ, пристально разглядывая покачивающегося на лапах черного скитальца.

Кот предпринял неловкую попытку встать на задние лапы, но тут-же опустился на все четыре. Из его рта донесся непонятный звук, похожий на отрывистое гавканье простуженного престарелого пса. При этом острая боль пронзила голосовые связки, пытающиеся выстроить поток воздуха из легких в какое-либо подобие осмысленной речи. Превозмогая боль и проявляя титаническую силу духа, Кот, наконец выдавил из себя фразу:

– Что со мной?

Он говорил хрипло, сглаживая слова так, что они как будто вытекали одно из другого. Было не просто пользоваться примитивным речевым аппаратом слаборазвитого существа, однако выбора не было.

– Назовем это техническим перерождением, – воодушевленно заговорил окорок, и подмигнул одним глазом. – Как ощущения?

Кот молчал, стараясь причинять себе как можно меньше страданий пустыми разговорами. Разговаривать сейчас было сродни проглатыванию раскаленных углей.

– Кто я сейчас? – наконец задал он вопрос.

– Потенциально, без пятнадцати лет Владыка, – отозвался окорок, а увидев непонимающий взгляд, добавил, – Ты кот. Хотя, как нам всем хорошо известно, знать тебе о своей настоящей сущности категорически запрещено. В этом вся суть Перевоплощений.

– Тогда почему я знаю?

– Ну... – замялся окорок, – Это твое крайнее Перевоплощение. По окончании кошачьей жизни ты должен стать Верховным Владыкой, ибо первый из богов завершишь полный круг Перевоплощений... Ты побывал всем в этом мире, с чем и поздравляю...

– Почему я знаю? – переспросил Кот с нетерпением.

– Дело в том, что всем нам хорошо известный Астрей за последнюю пару сотен лет здорово преуспел в скоропостижном уходе из жизни... Ну, или из жизней. Это же надо, за столь короткий промежуток времени умудрился сменить пятнадцать сущностей...

Коту подобные речи показались слишком уж витиеватыми. Кажется, мозг этого четвероногого тела работал недостаточно быстро...

– Причем здесь Астрей? – осведомился он, раздасованный тем, что не может уловить суть сказанного.

– В связи с последними событиями, он также готов завершить Круг. Случись такая оказия, и нам нелегко придется...

Кот давно метил на место Владыки, но знал и о своем единственном сопернике. За его последнюю жизнь Астрею удалось многое наверстать. Угораздило же родиться галапагосской черепахой, да еще в самом безопасном уголке планеты... Сто пятьдесят скучнейших лет насмарку...

– Кто он сейчас? – недовольно спросил Кот у глазастой части куриной тушки.

– Паук, – ответила за него рыба, – Такой же как ты волосатый, только лап больше...

Окорок пресек ее неуместную тираду гневным взглядом.

Кот сел на асфальт и принялся нервно сучить хвостом, размышляя. Попытался вспомнить свои паучьи жизни, однако паук пауку рознь...

– Значит, времени у меня от одного дня до двадцати лет, – выговорил он наконец, – Какого он вида?

– Этого мы не выяснили, – потупил взор окорок, – Времени не было.

– А теперь я не знаю, сколько времени в запасе есть у меня, – раздраженно ответил Кот, – Как давно он паук?

– Лет пять уже, – задумчиво проскрежетала рыба, – Но он часто бывает в городе. Думаю, ему надолго осталось...

– Спасибо, и без тебя тошно, – пробубнил погрузневший окорок

Мимо переулка, в котором происходил странный разговор, неторопливо проехал небольшой грузовичок, но Кот даже не вздрогнул, как это бывало раньше. Зато окорок посмотрел машине вслед, потом повернулся к четвероногому товарищу и многозначительно произнес:

– Знаешь, а вообще, жизнь уличного кота довольно опасна...

– Опасна, как новогодние каникулы, – вставила очередную нелепую фразу селедка, но окорок ее уверенно проигнорировал.

– К чему эта мысль? – не понял Кот.

– Машины, собаки, несвежее мясо... – подождал пупырчатый пришелец.

Рыба и Кот вопросительно взирали на него.

– Любая жизнь, заканчивается смертью, ровно как она же предшествует каждому Перевоплощению. Прописные истины...

– И? – спросила рыба, недоуменно разведя плавниками.

– Да что непонятного? – нервно подпрыгнул окорок, – Ему попросту надо помереть как можно быстрее, на том кошачья жизнь и закончится.

Повисла напряженная пауза. На осмысление сказанного у рыбы ушло порядка минуты.

– Гениально... – наконец пробурчала она.

– Помирать-то больно... – промямлил Кот, которого больше волновали технические аспекты озвученной идеи.

– Владычество требует жертв, – глубокомысленно изрек окорок, – Как говорится, смерти бояться – не перевоплощаться.

Кот почесал задней лапой за ухом, погруженный в тяжелые размышления, и вдруг осведомился:

– А почему у вас такой глупый вид?

Пришельцы переглянулись, бегло окинули друг друга взглядом, после чего рыба только плавниками развела, а окорок выдвинул свое предположение:

– Мы же божества, а каждый представляет божество по-своему. Выходит, для котов еда – это предел мечтаний... Однако, нам пора убираться из этого мира. Не переживай, видеть нас можешь только ты. Тем более, что люди давно привыкли к тому, что кошки постоянно реагируют на что-то для них незримое. Главное, чтобы никто не узнал про эту встречу. В наших руках козырь. Воспользуйся им, да не мешкай.

2

Квартал за кварталом проплывали мимо, пока Кот семенил по тротуару в глубоких раздумьях.

Любой среднестатистический бог знает цель своего существования – завершить полный Круг Перевоплощений, прожить жизнь всех без исключения существ на Земле. Первый, совершивший этот великий подвиг, станет Владыкой – Богом среди богов, которому откроется Главная Тайна Мироздания. Если вы думаете, что каждому богу с рождения известна эта тайна, равно как и смысл жизни – вы ошибаетесь. Это знание нужно заслужить.

Бройнир, его верный слуга придумал неплохой план. Единственный и очень большой минус идеи – она шла вразрез с главными законами мира Богов, нарушение которых каралось навечным изгнанием.

Хельдь, конечно, глупа, как рыба, но она единственная из свиты преуспела в тайных заклетьях настолько, чтобы использовать их в этом мире. Ведь это она создала портал и вернула память ему, мудрейшему и коварнейшему темному божеству Ёрмурхвату.

Своим появлением здесь Бройнир и Хельдь нарушили все запреты. Но когда Ёрмурхват займет главенствующее место в мире богов, эти запреты потеряют всяческий смысл.

Не удивительно, что обладание высшим титулом явилось причиной возникновения конкуренции, причем весьма честной и подчиняющейся определенным правилам.

Астрей считается самым справедливым и добрейшим из светлых богов, подает большие надежды, однако явно неспособен на подлость, присущую Ёрмурхвату и его прихвостням. Вот и посмотрим, куда приведет его эта никчемная справедливость, злобно подумал Кот, шлепая лапами прямо по лужам.

Полетели первые хлопья снега, мелькающие в свете зажегшихся фонарей. Осенью рано темнеет, но божественным заговорщикам темнота была лучшим другом.

Ну а в целом, дело оставалось за малым – угробить котенка и избавиться от тесного слабого тела. Раз плюнуть!

Увидев приближающийся свет фар, Кот, не раздумывая, выскочил на проезжую часть. Послышался высокий свист автомобильных покрышек, затем раздался оглушительный гудок клаксона. Крошечное сердце ушло в пятки, и неведомая сила вышвырнула Кота обратно на тротуар. Лишь спустя десять секунд он сообразил, что несется со всех ног, не разбирая дороги. С трудом остановившись, он прижал втрое увеличившийся в объеме хвост к земле и перевел дыхание.

Инстинкт самосохранения. Однако, даже находясь в этом теле, Ёрмурхват не собирался мириться с его особенностями, несмотря на правила.

Следующая попытка навредить себе состоялась в ближайшем же парке. Кот выбрал самое высокое дерево, уверенно взобрался на самую верхушку, взглянул вниз и... от ужаса вцепился в кору всеми имеющимися когтями.

– Соберись, никчемная шкура, – подзадорило себя божество. – Великие дела требуют великих жертв.

Однако, хилое мохнатое тело прыгать вниз не хотело и крепко держалось на дереве, будто само к нему приросло.

– Да ну тебя, – сдался Кот, решив спуститься пониже на пару метров.

В этот раз удача ему улыбнулась. Сухая ветка с хрустом подломилась и, растопырив лапы в стороны, словно белка-летяга, четвероногий бедняга свергнулся на мокрую траву под деревом.

Лапы упруго спружинили, погасив удар, и Кот, как ни в чем ни бывало, остался сидеть на газоне с торчащими из ушей сухими листьями.

– Невероятная живучесть, – пробубнил Ёрмурхват, отряхнувшись. – Но я все равно от тебя избавлюсь...

Заметив кирпичное строение неподалеку, он бросился к нему с намерением разбиться насмерть. Однако четыре цепкие когтистые лапы остановили мохнатое тело в считанных миллиметрах от стены, что просто взбесило неудачливого бога.

– Что ты за никчемный мешок костей! – голосил Ёрмурхват в ярости и даже укусил себя за хвост.

Взвывая уже от боли, он решил успокоиться и поискать другое решение образовавшейся проблемы.

Ветер начинал свирепствовать среди домов, подгоняя полетевшие хлопья снега. По-прежнему хотелось есть.

Прекрасная возможность замерзнуть, решил Кот, отправляясь на поиски укромного местечка.

3

От сильного порыва ветра оконные стекла жалобно звякнули в разошедшихся рамах, вернув Гипатию из мира грез в мир реальный. Она всегда сидела у окна и обязательно за последней партией. Отсюда преподавателя было не только плохо слышно, но и плохо видно. После очередных слов о том, что современный педагог обязан дать ученикам лишь базовые знания, а остальное – дело репетиторов, девочке и вовсе расхотелось видеть этого умника.

Преподаватель – нескладная женщина в огромных очках и со столь же огромными амбициями, что-то бубнила у доски монотонным голосом, не обращая никакого внимания на то, что творилось в классе.

А в классе происходило все что угодно, но только не образовательный процесс.

В основном одноклассники Гипатии занимались написанием писем в местные газеты и издательства. Уткнувшись в специально отведенные для этого блокноты, ученики были погружены каждый в свою собственную реальность.

Все началось с того, что один наиболее выдающийся (если не сказать самый выпирающий) персонаж из школьного общества решил сочинить краткий очерк о своих похождениях, причем далеко не всегда сочетающихся с моральными и этическими нормами. Свои истории он самолично публиковал в виде небольших писем и распространял в школе. Удивительно, но вместо порицания эти выходки быстро заслужили всеобщее одобрение, причем как со стороны учащихся, так и со стороны преподавательского состава. Парень молодец, в голос твердили учителя – набрался смелости во всем признаться. Объявили благодарность за отвагу и правдивость, расцеловали в обе щеки и пожелали творческих успехов.

И, разумеется, все остальные мгновенно обнаружили в нем пример для подражания. Кто-то ради славы, кто-то из зависти, но писать письма о каких-либо событиях из своей жизни начали все, кому не лень. А те, кому было лень, просили писать других.

Местная газета, чьи периодические издания пребывали в полном забвении, смекнула, к чему все идет и предложила печатать эти перлы народного творчества за свой счет и притом большими тиражами. Желающих прославиться становилось все больше, и вскоре дела у газеты пошли в гору.

Люди писали обо всем подряд, лишь бы засветиться в очередной партии писем, которые в школу сначала приносил курьер, а спустя полгода привозил уже грузовик.

Спустя еще полгода писательская лихорадка охватила весь город. Некоторые наиболее способные и интересные литераторы становились очень популярными личностями, и их письма обрели высокую ценность. Ну, разумеется, и стоимость. У таких ребят быстро находились спонсоры, отстегивающие немалые гонорары и вместе с тем, насаждающие в обществе свои личные, зачастую меркантильные идеи.

Гипатия не писала писем, поскольку считала, что ее жизнь – это ее жизнь, но никак не общественная. Окружающие ее не понимали, высмеивали и считали, что жизнь у нее такая скучная, что и писать попросту не о чем. Не то что у них! Вот любимый котик сходил мимо лотка – об этом тут же надо сочинить повесть, да еще с иллюстрациями! Вот кто-то решил сварить макароны – и об этом совершенно необходимо написать обучающую инструкцию!

А что самое невероятное – читателей было хоть отбавляй!

Так что половина класса, сидя на уроке, писала письма, а вторая в это же время – читала. Единственным лицом в школе, кого интересовала учеба, было лицо Ломоносова, взирающее с пожелтевшего от времени портрета на творившееся кругом разложение сознания.

При этом родители Гипатии считали, что ее школьная жизнь разнообразна и интересна. Ведь учёба – это так весело увлекательно! Учиться – это не скучно и чрезвычайно необходимо,

особенно когда семья еле сводила концы с концами. Мать с двумя высшими образованиями за плечами и отец – с тремя... Да, пожалуй, их молодость прошла не зря... Чего только стоило имя дочери, данное в честь первой в истории женщины-ученого – Гипатии Александрийской. Только вот, благодаря этому имени, ей не удалось достичь каких-либо высот ни в школьном обществе, ни в городской администрации, ни где-то ещё. Зато насмешек со стороны сверстников было хоть отбавляй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.